

"О планах, знакомствах и котах"

— А снимок и правда круто получился, верно? — Еще немного, и Паркер, кажется, готов был задымиться, до того горячим энтузиазмом и энергией он пыхал. Еще и газету в лицо тыкал безостановочно, так что Баки все-таки не выдержал и цапнул воняющую типографской краской «пр-релесть» юного фотографа зубами, пару раз жеванул и выплюнул. После чего спокойно объявил, глядя в вытянувшееся лицо пацана:

— Круто, круто. Поесть чего-нибудь дашь?

— Тебе с фотографиями или без? — жизнерадостно осведомился еще один надоедливый малец, сидевший на подоконнике и наблюдавший за воронами. Паркер фыркнул, Баки предпочел сделать вид, что ему все фиолетово и это не его достают третий день подколками трое Питеров.

Они его еще в Камне Души заколебали по самое не могу...

— Я хочу есть, — безапелляционно заявил он и откинулся на спинку стула, за которой были связаны его руки. Причем связаны чертовой паутиной, так что не сразу и справишься.

Паркер повернулся и вышел из комнаты, так что с Баки остался другой Питер, предпочитавший имя Пьетро. Баки все еще не мог определиться с тем, кто же из компании самый доставучий, но Пьетро имел, пожалуй, высокий шанс на это звание. Квилл частенько уходил — в себя или вообще куда-то из дома, — Паркер еще не успел нагулять сарказма, а вот Максимоффу все было нипочем. «Я уже умирал, — беспечно заявил он как-то, когда Баки нарычал на него, — мне ничего не страшно». Возможно, поэтому он частенько сидел на подоконнике, не боясь, что его сдует ветром, вызывался добровольцем на всякие опасные миссии, и вообще вел себя так наплевательски по отношению к смерти, что товарищи уже устали опекать его. Никакие уговоры не могли остановить Пьетро, если ему взбрело в голову что-то нелепое и опасное.

Баки понимал его. Возможно, именно Пьетро обладал даром выводить его из тщательно выпестованного терпения быстрее всего. Вероятно, он также прекрасно понимал, что чувствует человек, звавшийся когда-то давно Зимним Солдатом. Иногда Баки казалось, что Пьетро задался целью выяснить, насколько Джеймс Барнс жив. Удалось ли ему выбраться из оков вечно преследовавшей его смерти.

И это Баки тоже понимал. И с удивлением и долей растерянности осознал однажды, что сочувствует парню. Если бы Пьетро узнал об этом, наверняка вопрос о жизни/смерти Баки был бы снят с повестки дня. Баки почему-то не хотелось этого. Не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, что творится в его сердце.

Странное дело, но чем больше времени проходило с момента, когда он очнулся в темном переулке в окружении местной банды, раскидал их в стороны, все еще во власти тотального недоумения и страха, и рванул по улицам незнакомого города, преследуемый полицией — тем больше Баки утверждался в мысли, что пережитое им в этот раз не идет ни в какое сравнение со всеми прошлыми «перезагрузками», вместе взятыми.

Да, они все были готовы к смерти в тот бесконечно далекий день. Каждый из них точно знал, против кого предстоит сражаться. Каждый боялся — и по-своему пытался справиться с этим страхом. Но кто мог представить, что все обернется так?

Что мир рассыплется пеплом — а может, это ты сам — а с ним и твоя судьба. Твое имя. Все, чем ты был, все, к чему стремился. Вся боль, острыми осколками вросшая в сердце и

напоминающая о себе при каждом вдохе.

Камень Души, как оказалось, был подобием личного Чистилища для каждого, кто в него попал. Джеймсу Барнсу он представлялся почти тем же, через что довелось пройти за долгие годы в маске Солдата. Тот же всеобъемлющий холод, пробирающийся в каждую клеточку, та же мрачная безысходность и тьма вокруг — выживай, если можешь. Если есть зачем.

Это потом уже он узнал от товарищей по новому приключению, что Камень столкнул каждого с его личными страхами и кошмарами. Когда Баки задал однажды вечером вопрос, что видели парни, Квилл поежился и виновато втянул голову в плечи, а Паркер отчетливо вздрогнул и помотал головой. Пьетро, у которого этой проблемы не было, тут же развеял нависшую мрачность легкомысленным монологом о чем-то совершенно стороннем. Баки не отстал и с присущим ему упорством вытянул из Питеров описание их кошмаров, напирая на то, что и сам там побывал, и допрос устраивает с целью скомпоновать все известные им данные и получить ответы на важные вопросы.

Лучше бы он этого не делал. Потому что теперь чужие кошмары присоединились к собственным и терзали сознание и память.

— Сам напросился, — безжалостно и насмешливо заметил Пьетро, когда в свою очередь выудил у Баки причину его бессонницы и зубовного скрежета ночью. Баки буркнул, что это не его, молокососа, дело, и продолжил намыливать посуду (Пьетро удалось каким-то немыслимым образом припрячь его к хозяйственным заботам). Максимофф ухмыльнулся, забирая тарелки:

— Я-то думал, это я любопытный. Ты меня переплюнул, Джимми.

— Не смей меня так называть. Никогда.

— Слишком много имен, боишься запутаться? — Пьетро посмотрел с любопытством и прищурился. Баки мотнул головой, пытаясь убрать челку:

— Не твое дело.

— Нет, правда, сколько у тебя гражданств было-то, а?

— Не твое дело, — повторил Баки ровным голосом. Пьетро быстро улыбнулся и потрепал его по плечу:

— Как скажешь, рыбка ты наша аквариумная. О, Квилл, — он повернулся к вошедшему в комнату Питеру, — что нового?

Квилл первым делом кинул взгляд на руки Баки, нахмурился:

— Ты его освободил?!

Баки метнул на него угрюмо-насмешливый взгляд, Пьетро безмятежно улыбался:

— Он обещал себя хорошо вести. Правда, Дори?

Баки вместо ответа скомкал полотенце и бросил в Максимоффа, в последний момент успев вытащить из полотенца тарелку. Квилл не сбавлял градус хмурости и подозрительности:

— Свяжи ему руки, Пьетро. Или мне это сделать?

— Ты что, бессмертный? — сумрачно поинтересовался Баки, заканчивая с посудой и принимая от Пьетро полотенце. Тот хохотнул и пошел вытирать стол. Квилл постоял еще немного, сведя брови к переносице и буравя развеселившегося Баки суровым взглядом. Потом махнул рукой и вышел из комнаты.

Это был четвертый день их совместного проживания («прозябания», как выразился Пьетро). До этого Баки упорно пытались держать в стороне от планов, привязав паутиной к стулу и, кажется, забывая, что уши-то они ему ничем не залепили, а значит, он все слышит. Баки не отказывал себе в удовольствии комментировать высказывания и теории парней со свойственными ему иронией и сарказмом. Квилл от этого бесился, реакция Паркера варьировалась от смущения (все-таки в выражениях Баки не привык сдерживаться) до попыток скрыть смех. А вот Пьетро изначально подошел к пленнику почти с дружелюбием. Ну, с вежливым интересом так точно. Оба Питера относились к этому с неодобрением и подозрением. Баки веселила подобная реакция.

То, что парни захотят стать героями и здесь, Баки мог бы сказать и без подслушивания их эмоциональных бесед: натура всегда даст знать о себе, побывай ты хоть в десяти Камнях сразу. Он не сразу определил, какое чувство он испытывает при этом (да и не задумывался особо), но когда понял, что это очень смахивает на уважение и даже гордость, готов был побиться лбом об стол. Ну кто бы мог подумать — в первую очередь он сам — что такое возможно? Что Зимний Солдат может испытывать гордость за кого бы то ни было, включая себя самого?

Ответ пришел неожиданно, в тот самый момент, когда на третий вечер они вчетвером сидели в общей комнате, освещаемой слабой лампочкой; троица — за столом, Баки, как обычно, в углу в обнимку со стулом. Проклятый Плащ караулил его, и Баки готов был поклясться, что принадлежащий магу предмет гардероба читает его мысли и намерения. Не иначе, заразился от Стрэнджа.

Все дело было в том, что Солдата больше не существовало. Как, наверное, и того, кто когда-то носил имя Джеймса Барнса.

Только Баки. Каким бы он теперь ни был, его звали так.

Углубившись в свои мысли, он не сразу заметил, что на него смотрят с почти осязаемым любопытством. Конечно же, это был Максимофф, назойливый, насмешливый и вездесущий.

Баки как-то приснился кошмар, что Пьетро теперь обладает и даром своей сестры; и как он сам, Баки, что есть сил бежит по узкому темному коридору, а за спиной слышатся насмешливо-медленные шаги и шепот: «Джееееймс... ну подожди, дай покопаться в душе!». Баки проснулся в холодном поту и, кажется, даже эмаль с зубов немножко стер. Паркер, которому тоже чего-то не спалось, уставился по-совиному круглыми глазами и уронил кружку с чаем, которую Баки ловко поймал связанными перед собой руками и коротко кивнул в знак благодарности. Признаться, что странный звук в процессе питья — это стук его собственных зубов о край кружки, не хотелось даже самому себе...

Пришлось признаться кое в чем другом: он здорово изменился. И эти перемены не то чтобы пугали, но к ним еще надо привыкнуть. И делать это предстояло в совершенно чужом городе, в компании троих пацанов, которым всем вместе не исполнилось еще столько лет, сколько Баки.

— Джеймс, — позвал Пьетро, выдергивая из тяжелых мыслей. Почему он предпочитал звать Баки именно так, парень не пожелал объяснять. Баки пришлось сдаться.

— Что? — буркнул он, разглядывая свои руки, сцепленные в замок. К вечеру ощутимо

похолодало, и сквозь тонкую ткань футболки свободно проходил ветер, пробуждая миллионы мурашек, которые устраивали ритуальные танцы по всему торсу.

Пьетро наморщил нос. Баки обреченно подумал, что ничего хорошего ждать не стоит.

— А вот представь себе, если бы во времени могла перемещаться только органика? — Судя по прищуре, Пьетро явно собирался снова нарываться на взбучку. Баки уже сбился со счета, сколько таких попыток было.

— И что? — поинтересовался он вяло, размышляя, чем бы таким попробовать ночью перетереть паутину. Ладно бы просто связали руки, как обычно, так нет же — фантазия Максимоффа разбушевалась не на шутку, так что теперь запястья и локти пленника были изящно обмотаны несколькими хитрыми узлами. Фиг развяжешь, хрен сорвешь.

— Ну что-что? Выкинуло бы тебя сюда голого, еще и однорукого, — Пьетро несло. Паркер привычно округлил глаза, Квилл явно не врубался. — Пришлось бы бомжа какого грабить. «Мне нужна твоя одежда, обувь и мото... лошадь», — изобразил он кого-то. Паркер приснул со смеху и поспешил спрятаться за кружкой. Квилл устало вздохнул.

Баки сжал губы, буравя нахала огненным взглядом. Пьетро не впечатлился от слова совсем и продолжил развивать свою теорию:

— Хотя, если у тебя внутри, допустим, есть костяк металлический, то все было бы в ажуре...

— Я тебя самого сейчас ажурным сделаю, — пообещал Баки. — В мелкую дырочку, знаешь ли.

Плащ тут же дернулся, готовый спеленать пленника. Пьетро потер нос, лучезарно улыбнулся:

— Значит, ты злой Терминатор? Печально, печально.

— Ты вообще когда-нибудь замолкаешь? — не выдержал Квилл. Баки поздравил себя с тем, что нервы у него все-таки оказались чуть крепче, чем у коллеги по несчастью. — Впечатление, как будто тебя вообще ничего не волнует, лишь бы языком потрепать!

Атмосфера мгновенно накалилась. Квилл и Пьетро смотрели друг на друга: первый — с раздражением, печалью и почти злостью, второй — спокойно и чуточку холодно. Паркер растерянно переводил взгляд с одного на другого. Баки ощущал смесь удовлетворения и осознания, что это неправильное чувство.

— Я тоже терял, — ровным голосом заметил Максимофф, не отводя взгляда. — Не думай, что не понимаю, каково это.

— Но ведешь ты себя, как будто тебе вообще на все плевать! Как будто у тебя и души-то нет!

А вот после этого молчание стало тягостным. Паркер открыл рот, но так ничего и не произнес. Квилл, кажется, сам сразу понял, что перегнул палку, сморгнул и опустил взгляд. Пьетро сделал глубокий вздох и положил руку ему на плечо.

— Я понимаю, — почти прошептал он, склонившись к потерянному Питеру. — Я разделяю твою боль. И готов помочь всем, чем смогу.

Баки ясно видел, как перекосилось лицо Квилла при этих словах, как он старался взять себя в руки и наконец сумел выговорить глухо:

— Прости.

— Все нормально, — Пьетро улыбнулся, широко и заразительно. Паркер тоже заулыбался. Баки счел нужным вклиниться в трогательный момент:

— «И жили они долго и счастливо... пока один из них снова не ляпнул что-то идиотское».

— Как тебя только Стив терпел столько лет? — проворчал Квилл, отворачиваясь. Пьетро тут же щелкнул пальцами, и Баки понял, что неосторожно навлек на себя ходячую казнь египетскую.

— И кстати о Стиве...

— Никаких допросов о детстве, — предупредил Баки строго. Максимофф кивнул с безупречно безмятежным (и оттого еще более пугающим) выражением лица:

— Как скажешь. Хотя, конечно, ты вот сейчас убил на корню тысячи интригующих теорий и вопросов...

— Не задашь свой вопрос сейчас — я пошел спать.

— Все равно не уснешь, — жизнерадостно заверил Пьетро, и Баки про себя согласился, что сложно будет уснуть, когда очередь стеречь пленника доходит до Ртути. Так себя называл Пьетро, полушутливо, но явно в память о чем-то важном.

Квилл вооружился огрызком карандаша и что-то малевал на свободном месте в газете; вид у него при этом был такой, словно он изучает латынь и сам не понимает, зачем ему это. Паркер принес пленнику чай с купленными вечером булочками, но Баки всерьез опасался, что пить чай в ожидании каверзного вопроса Пьетро — не самый подходящий вариант самоубийства: Зимний Солдат захлебнулся чаем — тот еще черный юмор судьбы!

— Это прозвучало немножко двусмысленно, — заметил простодушно Паркер, краем глаза наблюдая за процессом рисования. Баки так и не понял, что именно пацан имел в виду.

— Старка на тебя нет, чувачок, — отозвался он чуточку насмешливо. — Совсем от рук отбился. Испортился.

— Он же не рыба, чтобы портиться, — хохотнул Пьетро, стащив у Квилла один из рисунков и разглядывая при свете фонаря, оказавшегося прямо напротив окна. Баки до сих пор не разобрался, было ли подобное освещение домов и улиц нормой в девятнадцатом веке, или это еще одно доказательство, что в этом мире что-то пошло немного другим путем. — Квилл, бро, да ты просто талант! Какая точность, какие четкие линии, и даже светотень, или как там это называется? Вот только я не понял, что это?

— Дворец, — буркнул Квилл, отбирая рисунок. Пьетро тут же стащил другой.

— Тадж-Махал, что ли?

— Букингэм, — Квилл забрал обрывок газеты, локтем прижал другой лист, на который позарился не менее любопытный Паркер. Пьетро покивал с задумчивым видом:

— Угу. А это кто, королева?

Баки хмыкнул. Опять гоп-компания собиралась приступить к обсуждению самоубийственного плана по похищению огромного алмаза из короны королевы Виктории. Каждый план почему-то

оказывался все более сумасшедшим, словно Питеры не умели подходить к этому делу со стратегической точки зрения. Баки иногда казалось, что пацаны твердо решили стырить алмаз и гордо дать себя поймать в тот же момент. Стоило одному предложить более или менее нормальный вариант, как двое других тут же принимались доказывать, что это никуда не годится, нужен другой план.

Кажется, первый план был предложен Квиллом и заключался в том, чтобы организовать набег на сокровищницу и стянуть алмаз, а затем делать ноги. Пьетро тут же заухмылялся и заявил, что это он всегда готов сделать, а Баки не удержался и ехидно заметил, что если гвардейцы успеют закрыть двери вовремя, то Максимофф превратится в очень жизнеутверждающую кляксу на этих самых дверях. Увы, судя по суровым физиономиям гвардейцев, которых они видели, и скорости их реакции, Баки был прав. Парни приуныли, но совсем ненадолго.

Паркер застенчиво заявил, что он мог бы использовать свои способности и спуститься в сокровищницу сверху, по какой-нибудь трубе или дымоходу. Тут уже запротестовал Квилл, видимо, не понаслышке знакомый с устройством королевских сокровищниц и утверждавший, что никаких дымоходов там быть не может. Так что сыграть в суперагента Итана Клауса Паркеру не дали, к его немалому огорчению.

Идеалист Паркер потом заикнулся о том, чтобы сотрудничать с полицией, организовать подложное ограбление и привести Скотланд Ярд к королю преступного мира. Квилл покачал головой и мрачно заявил, что в первую очередь услышавшие об ограблении копы заметут за решетку самих Мстителей. Баки жестом показал, что парень молоток, и вообще отлично шарит в мутной воде преступного омута. На этом план благополучно смели в мусорку.

Пьетро молчал непривычно долго, так что Баки всерьез забеспокоился, не случилось ли чего, а потом выдал вариант с переодеванием и проникновением в сокровищницу через парадный вход. Квилл и Паркер переглянулись, потом посмотрели на автора плана. Потом снова переглянулись, словно это каким-то образом могло синхронизировать их мысли.

Баки, отстраненный от гляделок, не выдержал:

— Уверен, что они не продумали этот способ ограбления и не предприняли никаких мер?

— Тебе бы лишь побурчать, — заметил Квилл недовольно. — Сам бы взял да что-нибудь и предложил, а не критиковал всех.

Пьетро высоко поднял брови (за что Баки был ему благодарен, потому что и сам хотел так сделать, но надо было сохранять репутацию сурового вояки), Паркер тоже не сумел скрыть удивления. Квилл нахмурился и скрестил руки на груди, меряя Баки острым взглядом.

Баки откинулся на спинку стула, оглядел троицу. Почесал нос связанными руками и заявил:

— Условие: вы развяжете мне руки.

— С чего бы это? — скептически осведомился Квилл. Баки движением головы смахнул челку с глаз и пояснил:

— С того, что я единственный в этой комнате, кто может вам помочь.

— А это с чего? — подхватил Пьетро, насмешливо щурясь. Плащ почти деликатно обнял Баки за плечи, явно интересуясь тем же.

— Ладно, давайте договоримся. Я излагаю свой план, вы внимательно слушаете и, если считаете его годным, освободите меня и позвольте идти куда я захочу.

Квилл негодуяще фыркнул, Паркер тоже сразу преисполнился подозрениями, а вот Пьетро предсказуемо согласился:

— Выслушаем, конечно же.

— Только никаких гарантий не даем, — быстро сказал Паркер. Квилл неохотно буркнул:

— Черт с тобой, — и уселся подальше, в тени.

Баки пожал плечами и рассказал, в чем заключается его план. С нескрываемым удовольствием понаблюдал, как вытягиваются лица у Питеров. И приготовился к шквалу вопросов.

Одного он не мог не признать: такая жизнь начинала ему нравиться. Быть свободным от прошлого, которое тебя тяготило, иметь шанс начать все с нуля — кто будет против? К тому же в такой живописной компании, в которой он оказался по воле прихотливой судьбы.

Тот факт, что от всего происходящего у него голова идет кругом, Питер признал легко и даже с удовольствием — словно бы это могло как-то объяснить круговорот событий, в который затянуло их всех несколько дней назад. Разумеется, ничего не объяснилось. Наоборот — непонятного становилось все больше. Но странное дело: это нравилось Питеру, и он откровенно кайфовал, понимая, что о таком он и мечтать не мог.

Скажи ему кто, что он окажется в этой эпохе, после всего, что пришлось испытать Мстителям — Питер никогда не поверил бы. Даже притом, что он всегда отличался мечтательностью и идеализмом. Да и кто бы поверил?

Но вот уже почти неделю их компания обреталась в Лондоне конца позапрошлого века, и железная рука, стиснувшая сердце на Титане, ослабила хватку настолько, что Питер почти мог дышать полной грудью. Мешало только смутное предчувствие, что и этот путь не будет таким уж простым. Хотя бы потому, что у Мстителей не бывает таких.

Устроиться внештатным фотографом в газету Питера потянуло не только яростное желание найти остальных, но и неубиваемое любопытство: хотелось увидеть как можно больше, прикоснуться к эпохе, а то и поучаствовать в какой-нибудь истории. То, что уже на второй день ему удалось заснять Капитана Америку, Сокола и Черную Вдову, говорило о многом и доказывало верность теории, что закинуло их сюда всех. И Питер ничуть не сомневался, что это коснулось и тех, кто погиб.

На следующее утро проснувшееся наконец-то паучье чутье привело его к Тауэру, где он сфотографировал еще двоих Мстителей и устроенный ими хаос. Попутно спас нескольких зевак, чуть не угодивших под ноги Скотту Лэнгу, и очень симпатичную девушку, которая забралась на крышу дома и увлеченно строчила что-то в блокноте, поглядывая на разбушевавшегося Муравья — и поэтому слишком поздно заметила, что Лэнг уронил на эту самую крышу кусок Тауэра.

Питер среагировал на автомате: зацепился паутиной за одну из опор моста, прыгнул и перелетел на крышу, обхватил девушку за талию и унесся прочь, а за спиной с грохотом врезалось в стену что-то. Девушка вцепилась в шею своего спасителя, зажмурилась и крепко

сжала губы. А через несколько секунд Питер мягко опустил ее на землю и полетел обратно.

Что у мистера Старка и доктора Стрэнджа все хорошо, он точно знал: по ехидному совету Баки и хорошему примеру Пьетро взял привычку патрулировать ближайшие районы города и по мере сил помогать простым людям.

Он хотел предложить товарищам идти на Бейкер-стрит, однако Баки предсказуемо отказался, да и Квилл встретил идею с кислым выражением лица и проворчал, что Старк снова захочет сыграть в диктатора и не даст поступить правильно. А потом случился катаклизм имени Скотта Лэнга, и у Питера сразу появилась куча дел.

Идею украсть алмаз из короны Питер изначально не одобрял, но понимал, зачем Квилл ввязался в это дело и втянул в него других. В общем-то, Питер решил, что на месте Звездного Лорда поступил бы так же: рискнуть всем ради любимой — это уже чего-то стоит. Хотя, наверно, все же не оправдывал задуманного преступления...

Короче говоря, он испытывал некоторый дискомфорт, связанный с расхождением личной системы ценностей и моральных принципов с реальностью. Что считать правильным, когда с одной стороны есть возможность спасти друга, а с другой — тот факт, что для этого спасения придется перешагнуть закон? Питер все больше склонялся к первому, хотя затруднялся сказать, что послужило причиной: качества ли его собственного характера или что-то еще.

В данный момент он сидел на краю крыши одного из домов рядом с их убежищем и осматривал окрестности. Рядом сидел человек, который вызывал у Питера неизменное любопытство и желание узнать о нем больше — хотя Питер ни за что не признался бы в этом ему самому. Кому захочется добровольно нарываться на очередную порцию ехидных комментариев, от которых краснеют уши и щеки?

А Баки Барнс был именно тем, кто всегда готов был предоставить безлимитный сарказм — в этом парни уже успели убедиться.

Питер понятия не имел, что заставило Баки выбрать из трех дорог именно эту. Мог бы отправиться с Квиллом в соседний район; мог и сам по Лондону пройтись и осмотреться (Пьетро он вряд ли смог бы догнать, так что этот вариант Питер сразу отменил). Так нет же, он даже не задумывался, прежде чем объявить, что пойдет с Паркером и прогуляется по крышам.

Просто ох.

— Так, говоришь, уже успел с девушкой познакомиться? — Голос Баки развеял слабые попытки задуматься. Питер помотал головой:

— Не до знакомства было, знаешь ли.

— Ну да, ну да. Не будешь смотреть вперед — познакомишься со стеной какой-нибудь.

— Доводилось летать?

Баки фыркнул:

— Только вниз. Не самые приятные воспоминания.

— Угу, — Питер тоже фыркнул. — Ты в курсе, что сидишь на самом краю крыши, и до земли метров двадцать?

— Ну, ты же не только симпатичных девчонок спасаешь?

Питер улыбнулся, сел рядом. Город сиял огнями, по улицам разъезжали экипажи и паровые машины, гуляли парами и по несколько человек люди. Питеру нравился Лондон, нравилась царящая в нем атмосфера беспрестанного движения и суеты, особенно если смотреть сверху. Это поднимало настроение, держало в тонусе и напоминало о родном Нью-Йорке.

Он скучал по тете Мэй, по друзьям, по школе, хотя никогда не считал себя заядлым домоседом. Стажировка в «Старк Индастриз» переросла в нечто абсолютно несравнимое по масштабу, но Питер ни о чем не жалел. Если он чему-то научился, то это было кредо: никогда не жалеет о том, что уже прошло, и делает все, что от тебя зависит, чтобы творить свое будущее.

— Квилл говорил, куда собирается? — нарушил молчание Баки. Питер покачал головой:

— Он не хочет этим делиться. Пьетро считает, что он ищет Гамору, хотя абсолютно не знает, с чего начинать.

Баки помолчал, задумчиво кивнул. Чуть сменил позу, прислонившись к дымоходу, показал в сторону центра города:

— Старк и Стрэндж там, говоришь? — Питер подтвердил. — Наверняка, твой опекун не одобрит то, чем ты собираешься заняться.

— Не согласен, — пробурчал Питер, отлично понимая, что Баки прав, и если бы Тони узнал, что они задумали, не избежать бы вгоняющего под землю от стыда монолога в духе «если с тобой что-нибудь случится, умру я».

Стоило только представить, как себя чувствовал Тони на Титане, как Питера начинал бить озноб. Он обхватил себя за плечи, нахохлился. Баки покосился на него, хмыкнул, но ничего не сказал.

— А вот если бы он узнал, что мы собираемся действовать по твоему плану...

— А вот этого он точно знать не должен, иначе хана всей затее.

Питер совсем не собирался задавать этот вопрос (потому что Баки очень редко отвечал по делу и без ехидства), но сам не заметил, как произнес:

— Ты мог сбежать. Почему не?..

— В городе, полном мстительных психов? — хохотнул Баки. — У меня еще не отказал инстинкт самосохранения, спасибо.

— Даже учитывая, что ты давно не Солдат?

Баки ответил не сразу, прищурившись и изучая город. Питер терпеливо ждал, одновременно прислушиваясь к чутью: все-таки он на патруле, не время зевать.

— Кто даст гарантию, что прыжок во времени не стал причиной очередного сдвига? — Баки пожал плечами. — Никто.

— Даже ты?

— Тем более я. Так что все логично. Я бы на вашем месте поступил бы так же.

Следующий вопрос сформировался так же неожиданно и сам по себе, и Питер не сразу осознал, что уже говорит:

— И... насколько была оправдана эта осторожность?

В наступившей тишине Питер успел несколько раз пожалеть о своем любопытстве и несдержанности, отползти подальше от непредсказуемого соседа и начать просчитывать маршрут отступления. Нет бы язык за зубами держать, делать вид, что веришь в возвращение Баки, и вместе с остальными соглашаться, что Солдат исчез бесследно...

Баки, совершенно точно понимая состояние Питера, усмехнулся, качнул головой:

— Все путем, малой. В Ваканде здорово умеют прочищать мозги. Жаль, с совестью этот фокус так легко не проходит.

Возможно, Питер продолжил бы свой допрос, пользуясь добродушным настроением соседа, но в это время позади хлопнула дверь и раздался чуточку насмешливый голос Пьетро:

— Прохлаждаемся?

— Опять ты, — Баки посмотрел на него без особого интереса. — Разве не собирался пробежаться по крайним районам города?

— Так я уже, — сообщил невозмутимо Пьетро, подошел ближе и кинул Питеру и Баки что-то небольшое, оказавшееся двумя пакетиками с орехами. — Один пакетик с южной окраины, второй — с северной. Сравните вкус и скажите, буду затариваться продуктами в лучшей лавке.

— Хвастун и позер, — заявил Баки язвительным тоном, впрочем, и не думая отказываться от подарка. Пьетро довольно ухмыльнулся и занял место рядом с Питером, вытащил из кармана еще один пакетик.

Так они и сидели в молчании, ели орехи и смотрели на Лондон внизу. И Питер ощущал себя в этот момент достаточно счастливым, чтобы искренне улыбаться и глядеть в будущее с оптимизмом.

Настроение упрямо не хотело подниматься хотя бы до уровня середнячка, как бы Питер ни старался взбодриться. Не помогало даже соседство Паркера и Максимоффа, которые могли, кажется, своим энтузиазмом зажигать звезды. Баки в расчет не входил по умолчанию.

Одиночество становилось почти осязаемым, давило и напрягало. В общем-то, Питер именно поэтому все чаще выбирался на прогулку по ночным улицам: среди людей становилось легче. Да и шанс прояснить ситуацию повышался.

В больших городах он чувствовал себя одновременно комфортно и скованно. Корень проблемы был в самом его ремесле: без толпы частенько не было наживы, но этот же фактор автоматически повышал уровень опасности и риска быть пойманным. Как следствие, Питер предпочитал осторожность, но ни разу еще, кажется, не смог справиться с тягой к авантюризму. Включая тот судьбоносный случай со Сферой, повлекший за собой целую цепочку невероятных, крышесносных, опаляющих душу событий.

Знакомство с девушкой, ставшей смыслом его жизни.

Она верила в него, надеялась. А он взял и подвел ее.

Питер глухо застонал и прижался лбом к холодной кирпичной стене. Внутри бесновались проснувшиеся демоны, требовали поживы, медленно пожирая сердце и оставляя после себя лишь бесконечную пустоту. Питеру казалось, что еще немного, еще одно мгновение — и от него уже ничего не останется, ни в вечности, ни в настоящем. И он абсолютно не знал, что с этим делать.

И стоит ли вообще что-либо делать. Потому что — может, такова его судьба, такой ему предначертан конец? Зачем тогда трепыхаться?

Гамора бы точно знала ответ. Она знала все. И его, Питера, душу, его мечты и цели. Хотя он того не заслуживал.

«Найдешь ее в железном замке».

Это было, кажется, единственное, за что он мог цепляться в жизни. И что бы это ни значило, какие бы трудности ни сулило, Питер намерен был зубами выцарапывать ответы и найти Гамору.

Если она жива...

Тишину переулка нарушили чьи-то голоса и шарканье, потом кто-то оглушительно расхохотался, и Питер почувствовал, что по позвоночнику словно пустили разряд тока. Потому что...

— Квилл! — заверещал кто-то высоким женским голосом — очень узнаваемым. А потом еще кто-то сделал громадный шаг и сгреб почти успевшего обернуться Питера в крепкие объятия с воплем:

— ЭТО ОН!

Питер чувствовал себя так, словно попал между молотом и наковальней — еще и кузнец непрерывно говорит что-то нечленораздельно-восторженное. Видимо, он заметно посинел, потому что Дракс наконец отпустил его и сконфуженно пробормотал:

— Извини. Я забыл, какие вы, люди, хрупкие существа.

Питер кивнул, пытаясь отдышаться и убеждая самого себя, что потеря четкости зрения несколько не связана с тем, что глаза жжет, а в носу предательски щиплет. Мантис обняла его — ласково и мягко, что-то шепнула на ухо, и Питеру полегчало. Он даже смог улыбнуться:

— Ну, наконец-то. Я вас заждался.

— Ага, — саркастически заметил кто-то, до сих пор скрытый могучим торсом Дракса, — если сидеть на пятой точке и ничего не делать, то и заждаться можно.

— Ты еще кто? — Питер скептически оглядел темноволосого мужчину, выбравшегося на свет. За то время, что его мотало по Галактике, он встречался с тысячами людей, естественно, всех не упомнишь. Главное — чтобы никому не задолжать сверх положенного.

Мужчина ухмыльнулся как-то очень знакомо:

— Что, не узнать? Я теперь Эдди.

— А ведь был таким симпатичным кроликом! — Дракс загоготал, от души хлопнул товарища по плечу, отчего тот покачнулся и смерил громилу недовольным взглядом:

— Можно было и запомнить, нет?

— Да зачем? — искренне удивился Дракс.

Питер потихоньку начал врубаться, и в нем одновременно росли недоумение, непонятный восторг и желание расхохотаться:

— Ракета?!

— Какой мир, такие и причиндалы, — пробурчал тот, протягивая руку. Дракс снова искренне захохотал, у Мантис на лице нарисовалось недоумение. Питер, недолго думая, притянул к себе и крепко обнял друга, шепотом сказал:

— Спасибо.

— Это еще за что? — с подозрением осведомился Эдди, осмотрел себя. Потом махнул рукой и криво усмехнулся: — Хорошо, что ты нашелся, Квилл. А то, если передряга какая и драпать надо, а идейного вдохновителя нет, как-то туго оно идет, знаешь ли.

— Как вас-то сюда занесло? — Питер переводил сияющий взгляд с одного на другого, ощущая, как теплеет на сердце. Эдди-Ракета неопределенно хмыкнул:

— В прямом смысле, занесло. Кто-то игрался с Камнем времени и доигрался.

— И мы оказались в чужом городе, — добавила Мантис звонким голосом. Дракс тоже принял участие в диалоге:

— Только Грута не нашли пока.

— И Гамору, — прошелестела Мантис виновато. У Эдди был такой вид, словно он не может определиться, что сказать. А Питер внезапно осознал, что никто из ребят даже не сомневается: Гамора жива, и просто надо ее найти.

Они не предали ее. Не похоронили, от чего он так стремился удержать себя.

— Чего это ты? — немного смущенно спросил Эдди, подходя ближе и вглядываясь в лицо друга. Питер помотал головой, зажмурился, вытер лицо рукавом. Слезы было не остановить, и он мог только отвернуться, снова уткнуться лбом в стену и кусать губы, чтобы сдержать дерущий горло крик.

А потом он ощутил мягкое прикосновение, не сразу понял, чье — и почувствовал облегчение. Прохладная ладонь легла на лоб, Питер даже задержал дыхание — до того приятно было.

— Не стоит оплакивать тех, с кем мы в разлуке, но знаем, что они живы, — тихо произнесла девушка. Питер вытер щеки, сделал глубокий вдох и повернулся.

Перед ним стояла незнакомка с яркими глазами, и от нее веяло такой силой, что меркла, кажется, аура Мантис. Питер поморгал. Девушка ответила легкой улыбкой:

— Я Ванда.

В мозгу щелкнуло, и Питер выпалил:

— Максимофф?

— Я же говорил, что у него найдется, чем удивить, — хмыкнул Эдди. — Вот скажи честно, Квилл — как ты умудряешься притягивать к себе таких же ненормальных, как ты сам?

— Ну, это я у тебя тоже могу спросить, — не остался в долгу Питер. — Учитывая, как мы с тобой познакомились.

Ванда наконец отмерла и выдохнула:

— Ты знаешь, где он?

От широкой улыбки свело челюсти (Боже, это сколько же времени он не улыбался, что его так корежит?!). Питер кивнул:

— Знаю. Если только этот неугомонный не умотал в Китай или еще куда. Любит он так разминаться...

Возможно, Пьетро и оправдал бы подозрения Квилла насчет Китая или еще какой страны на другом континенте, однако и в Лондоне он нашел, чем заняться. Дел было много, дела он привык делать быстро, и чем дальше, чем больше Пьетро казалось, что он наконец поймал свою скорость. И теперь у него не было никаких ограничений, навязанных жестоким тираном, никто не удерживал его в клетке. Был только он, Пьетро Максимофф, и его совесть. А значит, Лондону крупно повезло...

С мелкими заботами — ну там, снять кошку с дерева, перевести бабушку через дорогу или купить продукты заболевшей соседке — он справлялся, можно сказать, одной левой (ногой, конечно). Правда, что кошка, что бабушка смотрели на него одинаково круглыми и ошалевшими глазами... Ну да, в принципе, их можно понять. Когда ты цепляешься за тонкую ветку и печально орешь о судьбе своей жестокой, а тут вдруг тебя подхватывает белокрысое торнадо и спускает на землю, недолго и голоса лишиться.

Или вот, допустим, стоишь на тротуаре и ругаешь вполголоса поднимающих пыль водителей и возниц, и хоть бы кто остановился и позволил перековылять на другую сторону — и тут бац, рядом из ниоткуда появляется широко ухмыляющийся молодчик, хватает на руки (эх, ну и где он, спрашивается, был лет пятьдесят назад?!), а через мгновение ты уже там, куда стремилась попасть, в гордом одиночестве и с невысказанным томным «спасибо».

С продуктами вышла вообще комичная ситуация. Кто ж знал, что «купить чего-нибудь сладкого к чаю» — это значит сгонять в булочную на соседней улице, а не в соседний район, где как раз открылась шикарная пекарня? Соседка смотрела на пакет и довольного собой Пьетро по очереди и хватала ртом воздух. Оно и понятно: до Уэмбли от их дома было далеко, что и говорить. А еще он не поленился забежать еще кое-куда и прихватить фруктов и овощей. Паркер был в восторге, Квилл кисло улыбнулся и что-то буркнул, а Баки с ленцой поинтересовался, не было ли слив.

Пьетро подозревал, что оба Питера тоже патрулировали улицы города, хотя у каждого был свой метод. Паркер предсказуемо выбрал вид сверху, Квилл зачастил в неблагоприятный район, и Пьетро пару раз отвлекался от собственного маршрута, чтобы проследить за

товарищем и убедиться, что тот не собирается влипнуть в неприятности. Да и Плащ частенько выбирал в компаньоны именно Квилла (видимо, потому, что Паркеру было бы неудобно летать этаким Суперменом), так что за Звездного лорда можно было не беспокоиться.

Четвертый участник их любопытного квартета, судя по всему, привыкал к окружению и окружающим со скрипом. Пьетро в общих чертах ознакомился с его досье и понимал, что сарказм и замкнутость — способ защититься от внешнего мира. Но кто сказал, что Пьетро Максимофф будет удовлетворен таким поворотом? Ведь если человеку плохо, его нужно вытаскивать, так? Вот Пьетро и вытаскивал, изо всех сил.

Баки сопротивлялся с упорством вытасченного на берег кита: пытался приклепнуть хвостом (то есть насмешками), трепыхался и увиливал от ответов. Пьетро хмыкнул, засучил рукава и принялся за дело с удвоенной энергией.

Баки сдался на третий день. Закатил глаза, помолчал и заявил, что таких назойливых побегов репейника не встречал за все девяносто с чем-то лет. Пьетро довольно ухмыльнулся и поставил галочку напротив пункта «расшевелить Барнса и не получить по шее».

В не столь далеком (ха-ха) прошлом Зимний солдат совершал много неблагоприятных поступков, и Пьетро не без основания заключил, что теперь Баки Барнс будет стремиться исправиться. Так и вышло: Баки стал полноправным членом команды и согласился, что ночной патруль — хорошая затея.

— Трепещи, Лондон, — с усмешкой заметил он как-то. Пьетро подумал и согласился. Трепетать городу было с чего. И с кого.

Занятый наведением порядка на улицах, Максимофф не особо стремился пробраться за кулисы всего, что творилось в городе — политика, технологии и дальше по списку. Но и уходить в сторону не собирался, и сбор информации происходил сам собой. Вечерами компания собиралась за столом и делилась узнанным, складывая мозаику. Паркер выкладывал фотографии, Квилл рассказывал слухи, а Баки с холодной логикой отлично собирал все факты и теории воедино. Так и раскрывали они Лондон — и не все им нравилось.

Например, все согласились с тем, что империя стоит на краю очередного военного конфликта — причем не с одним врагом, а с несколькими на разных фронтах. Северная Америка вела себя прилично, но вот в Европе и дальше, ближе к России, дела шли не так радужно. Европу раздирали склоки и конфликты, и хрупкий мир трещал по швам.

Баки долго молчал, пока парни наперебой обсуждали новости и обменивались мнениями, нахмурился и заявил, что такое положение дел ему не нравится.

— Потому что война и все такое? — поинтересовался Паркер. Баки покачал головой:

— Потому что кое-что выбивается из исторического ряда. А значит, мы уже не можем предсказать исход любого события.

— Хочешь сказать, это иная реальность? — У Паркера восторженно горели глаза. Баки кивнул.

— Как в комиксах, да? Круто же!

— Ага, — хмыкнул Пьетро, — Земля-616, 717 и так далее.

— Сумасбродно, — проворчал Квилл. Баки пожал плечами:

— Может, и так. Я не очень силен в этой вселенской многомерности.

— Много бабочек, много крыльев, — многозначительно заметил Пьетро, вызвав чуточку недоуменный взгляд Паркера. — Ну, эффект бабочки, слышали же?

— Тут уже не бабочка, а целый птеродактиль, по ходу, — прокомментировал Квилл. Пьетро фыркнул:

— А ты у нас зоолог, как я погляжу?

— Угу. Вот разберусь со всей этой лажей, открою себе небольшой парк развлечений с динозаврами — плевое дело, с этими прыжками во времени...

— Развлечения, как я понимаю, для динозавров? — уточнил Баки. Паркер засмеялся (он вообще был самым отзывчивым по части доброго юмора), Квилл для разнообразия тоже улыбнулся и заявил:

— Ну, а что? Чем я для динозавров плох?

— Жирок для них нагуливаешь? — добродушно осведомился Баки, уже задумавшись о чем-то другом. Паркер и Пьетро шутку оценили по достоинству.

Потом был военный совет, на котором самопровозглашенный руководитель Баки Барнс огласил список дел на сегодня. Паркер получил задание собрать как можно больше информации о шастающей по улицам роботехнике, не попадаясь на глаза никому. Квилл согласился наведаться в ставший привычным район с целью выведения на разговор кого-нибудь сведущего в закулисной политике — должны же быть изгой и беженцы от власти?

Пьетро и Баки должны были разведать настроения народа и его отношение к власти и правительству в соседних районах. Пьетро терзало желание увидеть дипломатические приемы Барнса в действии, но с этим пришлось повременить по причинам мяукающего и умоляющего характера.

Мяукали (истерично и на высокой ноте) коты, которым мартовский свежий воздух ударил по голове кувалдой, заставляя почувствовать себя то ли Бэтменом, то ли еще кем героическим, отчего они лезли на деревья и столбы в просто-таки неприличных количествах. Пьетро искренне недоумевал, неужели приближение к небу помогало найти пару... а потом это недоумение переросло в подозрение, что у лондонских котят бессовестно раздутое эго и склонность к азартным играм. Что-то типа «плевать, что летать не умею, но глаза б мои не видели этого облезлого хмыря на моем дереве».

Увы, гормоны не добавляли способности слезать самостоятельно, поэтому приходилось Пьетро выполнять эту часть кошачьих соревнований. А все потому, что хозяйки котиков рыдали под деревьями едва ли не истеричнее своих питомцев, умоляя их слезть и отведать вкусной рыбки. Отвергаемую дрожащими котами рыбку предлагали потом Пьетро, который быстро смекнул, что так можно насобирать на ужин, и не отказывался от даров. Баки, проходивший мимо, изумленно моргал целую секунду, а потом заухмылялся, поднял большой палец и пошел дальше, оставив Пьетро в компании жареной селедки, хмурого рыжего кота и его счастливой хозяйки. Котик явно приходил в себя и тянулся к рыбке, Пьетро вежливо отодвигал его морду от своей добычи, размышляя, каким путем будет быстрее добраться до квартиры, чтобы за ним с рыбой не побежали все коты района... и в этот момент увидел ее.

Она вышла из-за угла — Пьетро в одно мгновение охватил взглядом всю ее хрупкую фигурку, —

посмотрела прямо на него, и мир перевернулся. Пьетро сунул блюдо женщине, широко улыбнулся и побежал навстречу. Обнял сестренку так крепко, что самому стало больно, уткнулся в волосы, пахнувшие медом и солнцем, зашептал (хотя безумно хотелось кричать):

— Разве можно быть таким счастливым?

Ванда подняла на него сияющие глаза, обхватила лицо ладонями, закивала, а потом на глазах у нее появились слезы, и Пьетро поспешил вытереть их, остро жалея, что не может обнимать ее и вытирать слезы одновременно. Счастье переполняло, счастьем хотелось делиться со всем миром, но рядом была только Ванда, и он подхватил ее, закружил, смеясь вместе с ней.

Мир, сломанный когда-то, снова был цельным и полным смысла.

Только вечность спустя Пьетро обратил внимание на стоявших за спиной Ванды людей и улыбнулся им. Протянул руку, второй продолжая прижимать сестру к себе:

— Пьетро.

— Эдди, — представился первым худощавый мужчина. — Это Дракс, это Мантис. Мы Стражи.

— Спасибо, ребята.

— Ты с кем? — тихо спросила сестренка, ероша ему волосы, не отрывая взгляда от лица. Пьетро ухмыльнулся:

— О, с ними не заскучаешь...

— Да у тебя прямо талант находить новых друзей, — насмешливо-добродушно заявил, выйдя на сцену последним, Квилл. Выглядел он почти счастливым, и Пьетро порадовался за него. — Да, ребята, у нас тут компашка та еще. Впрочем, чего еще ждать от Мстителей?

Пьетро подумал и согласился, что да, от Мстителей стоит ждать всего самого неожиданного, интригующего и переворачивающего мир вверх тормашками. Из наилучших побуждений, разумеется.

<http://tl.rulate.ru/book/116921/4642047>